

Министерство культуры
№ 16-111.60.

Известно, что Чехов считал литературу своей законной женой, а драматургию — напругой и требовательной любовницей. В этих шуточных словах крылась изрядная доля горечи: путь Чехова к театру далеко не был усыпан розами.

Нечто подобное мог бы сказать о себе и наш современник Валентин Овечкин. Честный и чуткий художник, мастер слова, писатель большого общественного темперамента, он везде и всеми учитывается, как прозаик, но всегда забывается, как драматург. А между тем Овечкин — автор многих пьес, из которых одни вовсе не шли на сцене, другие прошли без успеха, а третьи подверглись сокрушительной критике раньше, чем какой-либо театр рискнул их поставить. Чтобы продолжить аналогию, скажем, что одной только статьи В. Дорофеева в «Литературной газете» от 6 мая 1958 года о пьесе «Навстречу ветру» — статьи, во многом несправедливой, — было бы достаточно для иного слабого психолога, чтобы он бросил театр навсегда.

Хорошо, что Овечкин устойчив, хорошо, что нашелся творческий коллектив, поддерживающий писателя в его желании. Нелегко было мажорскому Курскому театру работать над пьесой «Навстречу ветру» после авторитетного выступления газеты. Но он вынул из этой спектакль и показал его год назад в Москве на сцене Кремлевского театра. Он поставил следующую пьесу Овечкина — «Летние дожди» и теперь с нетерпением ждет третьей, которую заканчивает писатель.

Опыт Курского театра учит: нет китайской стены между «Районными буднями» и пьесой «Навстречу ветру», повестью «С фронтовых приветов» и лирической драмой «Летние дожди». Там и здесь — взгляд на литературу как на трибуну для обсуждения самых острых и важных общественных проблем, знание жизни, широкое и непрядзванное, строгость нравственных критериев; там и здесь — реализм без завитухи и орнамента, мелочью и эффектам, и расчетливым литературным ходом.

Драматургия Овечкина не отмечена внешним новаторством. Она хорошо укладывается в привычные сценические формы. Этот традиционализм мешает нечуткому уху расслышать в пьесах Овечкина новое. Но приглядитесь, прислушайтесь к ним внимательно — и вам станет ясно, что у автора своя голос, очень чистый, возлюбленный и человечный.

Овечкин не спешит, не топчет зрителя с выводами. Ему хочется, чтоб тот вместе с ним подумал, поискал... И вдруг точно луч света озаряет картину, и нам открываются страсть и темперамент художника, и произведение обретает драматическую напряженность.

Смотрите «Навстречу ветру» — одну картину, другую, третью — и думайте: о чем эта пьеса? О ремонте тракторов? О буднях одного колхоза? О перестройке МТС? Но ведь все уж решено, есть постановление, оно проведено в жизнь; зачем же понадобилось талантливому писателю твердить заветы и доказывать доказанное? Зная Овечкина, в это не веришь и ждешь объяснения.

И действительно: пьеса «Навстречу ветру» — не о ремонте тракторов и не о перестройке МТС. Овечкин рисует деревню той поры, что

Есть такой драматург!

бы на этом решающем повороте в жизни колхозов столкнули жем собою в крутом и еще не изжитом конфликте два начала, два противоборствующих взгляда на долг и призвание коммуниста.

Борьба между Глебовым и Лошаковым — это борьба между творческим подходом к жизни и подлогом формальных, догматических, между народной инициативой и бюрократическим дельчеством.

В «Летних дождях» публицистическая тема прощупывается труднее, темперамент писателя-трибуна здесь скрыт за лирической оболочкой драмы; но он есть, этот темперамент, и сказывается в той застенчивой скромности, какой озабочуют герои вопросы жизни и вопросы морали. Спором о жизни, о путях, которые мы в ней выбираем, и является эта по виду камерная, «тихая» пьеса, вся уходящая в подтекст.

Своим героям Овечкин отводит среднюю нарочито тепличную. Дело происходит в Крыму, на курорте, где, как это показано в пьесе, люди лишь купаются в море, осматривают достопримечательности, ловят рыбу, собирают грибы и режусь в домино, когда дождь загоняет их в комнату. А в это время, как сказал бы Чехов, слагается их счастье и разбиваются их жизни.

Пьеса остро полемична по отношению к «курортной» теме. Она спорит с принципиальным бездумием «Дикарей», с их затейливо-пустопорожней сюжетностью. Оказавшись на отдыхе, герои приносят сюда, в этот благоустроенный край, заботы и волнения всей своей жизни. Да и самый Крым в этот дождливый год выглядит не столь уж нарядным, комфортабельным: мы видим природу диловатую и немного сумрачную. Суровой торжественностью овевая удающаяся сцена на Салугорте, этот ревмиз в честь павших бойцов, кровью своей обгарявших крымскую землю, отвоевавших ее для тех, кто сегодня на ней отдыхает. Перед лицом этих скорбных воспоминаний строже становятся герои пьесы, острее задумываются они о жизни и вновь — об ответственности перед ней.

Ведь можно прожить на земле по-всякому: можно вернуть ее следующим поколениям возделанной и обогащенной, а можно — и варварски разграбленной, так, что после тебя останутся лишь «пустые консервные банки и разбитые бутылки». Есть создатели, а есть брокеры, которые истребают молодь и безжалостно разоряют птвичь гнезда. Нет ничего проще, чем сказать: «Хоть день, да мой!»; «После меня хоть потоп!»; Но это не путь для советского человека.

Овечкин словно просматривает людей, отдыхающих в этом прекрасном уголке, каждому задавая один и тот же

вопрос: Кто ты — умножитель ли богатств родной земли или их нерадивый растрачитель? Для кого ты живешь — для себя одного или для себя, для других, для народа?

И многие с честью выдерживают проверку. И главный герой пьесы — полярный ребенок в отставке Жуковский, ныне скромный деятель Рыбнадзора, «рыбий сторож», как о нем говорят. И строитель Зотов, человек земной и грубоватый, зато друг настоящих и собеседник чуждый. И охотник Елфандов, по самому делу своей жизни не навываливший браконьерства. И молодой калачик Сергей, не пожелавший быть «освобожденным» секретарем из страха, что у него от бумажек «пальцы огрубеют».

Только Хинчук, раздражительный, желчный, лустой человек, отсиживающийся в сапатории от патронеция на работу в колхоз, ищет в жизни лишь собственной выгоды, нимало не заботясь о том, что внесет за него вклад в общее дело. И с какой прельительной жалостью смотрит на Хинчука остальные герои!

Но было бы не вполне верно считать, что конфликт пьесы развертывается по линии Жуковский — Хинчук. Эта полунеклотицкая фигура сразу аса (может быть, слишком аса) у Овечкина. Вопрос сложнее. Хорошие принципы — трудные принципы, говорит писатель. Легко их исповедовать, но уважение достоян лишь тот, кто ими руководствуется в каждом своем шаге. И как происходит человек через то или иное нравственное испытание, как одерживает победу над самим собой, всегда поучительно и интересно.

Личная жизнь Жуковского не сложилась; недалька одинокая старость. И вот перед ним мелькает тень надежды: молоденькая учительница Ольга влюбляется в него со всей безоглядностью юности.

Жуковскому нелегко дается решение: приняв его, он отталкивает Ольгу резко, почти грубо, чтоб не было так больно, чтобы девочка, которая предчувствие любви принимает за самую любовь, скорее покончила с этой страдательцей ее жизни. Конец пьесы — грустен, но дожди, о которых она говорит, все же летние. Они пройдут, омывая землю теплыми водами.

Таков лирический итог произведения, почти не вынесенный на его поверхность. Большой похвалы заслуживает Курский театр за то, что распустил эту главную, скрытую мелодию пьесы, увидел сущность ее конфликта в самоотверженном и суровом борении людей с самим собой, в поединке чувств.

«Навстречу ветру» ставил главный режиссер театра Н. Резнинов, «Летние дожди» — режиссер А. Карпилов. В каждом спектакле свои достоинства и недостатки, но нет разнобоя в стиле: кажется, что их создала одна и та же рука. Больные всего это

рука самого Овечкина, это влияние на театр его стиля, его эстетических вкусов, его представления о реализме. И если участники этих спектаклей не всегда поднимаются до особых требований овечкинской драматургии, то по крайней мере отлично знают, что ей противопоставлено.

Бой идет по всем линиям: и с тенденцией прикрывать жизнь, делая зрителю «красиво», и с унылой праведной, несовместимой с большой правдой чувств героев, и с сочным жаризмом, легко уводящим размышления.

Звучание спектакля «Навстречу ветру» определяют два ведущих актера Курского театра — М. Алещев (Глебов) и В. Яковлев (Лошаков). Думается, что при всей гротескной яркости исполнения последнего Алещев ближе к природе овечкинского писателя, потому что умеет обмануть героическое в незаметном.

Жаль, что этой глубины чувств не обнаруживает Алещев в роли Жуковского. Актер неизменно правдив на сцене, ему удается без назойливости и риторичности стать рупором дорогих Овечкину мыслей. Но вот борьбу героя с самим собой, когда он сперва всем существом потянулся к девушке, а потом заставил себя от нее отказаться, Алещев не сыграл или сыграл под сурдинку.

Зато, когда на сцене Ольга — А. Губардина и Сергей — А. Башев, тьань пьесы дается удивительно прозрачной, ничего не теряя в своей многоцветности. Молодые люди гуляют, пикируют, спорят о жизни, танцуют, а мы без труда проглядываем их будущее — счастье, совместное. Ольга Губардиной при своем «чертачь» характере любит Жуковского глубоко и сильно. Но это любовь конюшеская, восторженная. Пройдет время — и навязчиво расщелет, и тогда Ольга вернется к Сергею, и этому ровнотемному здоровяку-стесари, который обнаруживает в отягощениях с Ольгой удивительную тонкость души.

...Да, большое дело сделал Курский театр, доказав жизнеспособность драматургии автора «Районных будней», притянув, в чем ее прелесть, ее обаяние. Но задача театра онажется еще большей, если благодаря его скромным усилиям пьесы Овечкина выйдут на всеобщую арену. Кажется, это время пришло. Пришла пора Овечкину встретиться с большими режиссерами и актерами наших дней, которые раскроют «секрет» драматургической манеры писателя. Эта встреча должна состояться, потому что перед нами драматургия по-настоящему современная, драматургия глубоких мыслей и запоминающихся характеров.

3. ВЛАДИМИРОВА